

Crimes and punishments in a Soviet orphanage (1917–1920s)

N. V. Ryabinina

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003,
Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2021-1-36-45

Research article
Full text in Russian

The article deals with the features of the internal life of orphanages in Soviet Russia in the period of 1917 - late 1920s. Attention is focused on the negative aspects associated with violations of children and teachers. The reasons for this practice, ways to fight crime and their effectiveness are analyzed. In this context, the inconsistencies between theoretical positions and the real state of affairs are traced, as well as changes that occurred both in theory and in practical work during the period under study.

Keywords: Soviet Russia; orphanage; upbringing; homelessness; offenders; morally deficient; crime; punishments

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Ryabinina Natalia V. | E-mail: yarnatal2010@yandex.ru
Cand. Sc. (History), Associate professor

Преступления и наказания в советском детском доме (1917–1920-е гг.)

Н. В. Рябина

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2021-1-36-45
УДК 94(47)

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье рассматриваются особенности внутренней жизни детских домов Советской России в период 1917 – конца 1920-х гг. Внимание акцентируется на негативных аспектах, связанных с правонарушениями воспитанников и педагогов. Анализируются причины данной практики, способы борьбы с преступностью и их результативность. В указанном контексте прослеживаются несоответствия между теоретическими положениями и реальным состоянием дел, а также изменения, происходившие как в теории, так и в практической работе в течение изучаемого периода.

Ключевые слова: Советская Россия; детские дома; воспитание; беспризорность; правонарушители; морально-дефективные; преступность; наказания

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Рябина Наталья Валерьяновна | E-mail: yarnatal2010@yandex.ru
Кандидат исторических наук, доцент

Создание сети детских домов считалось в Советской России одним из приоритетных направлений в области охраны детства. Детский дом мыслился не только как учреждение, обеспечивающее осиротевшему или беспризорному ребенку кров и материальное обеспечение, но и как очаг перевоспитания, перековки детей в правильном с точки зрения власти направлении. «Рассадник социального воспитания», «альтернатива семье», – такие определения давались детскому дому в педагогической и публицистической литературе постреволюционного периода. Оправдывал ли он эти определения – вопрос спорный.

При рассмотрении процесса создания и функционирования системы детских домов необходимо изучить множество различных проблем. В их числе задачи, которые возлагались на учреждения, их материальное положение, способы финансирования, кадровый состав, особенности воспитательной работы. Данные аспекты лежат в основе как положительных, так и отрицательных процессов, происходивших в детских домах. Говоря о плюсах, можно

© Рябина Н. В., 2021

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

констатировать, что эта система сыграла значительную роль в ликвидации детской беспризорности, достигшей своего апогея в 1921–1922 гг. Семимиллионная «армия» беспризорных [1, л. 16], плохо управляемых детей, безусловно, была угрозой для общества – социальной аномалией, по словам А. В. Луначарского, «грозившей подточить корни будущих поколений» [2, с. 16]. Детский дом позволял детям выжить, получить образование, трудовые навыки. Но есть и другая – негативная сторона жизни в детском доме. Он был местом, где совершались преступления в среде детей и тех, кто призван был их воспитывать.

Причины преступной деятельности вытекали из условий жизни того времени: Гражданская война и ее последствия, разрушенная экономика, голод. Лидеры государства, с одной стороны, говорили о крайней важности детских домов, а с другой – не выделяли на их нужды должного финансирования. В 1921 г. в целях экономии средств детские дома переводятся с центрального бюджета на местный [3] и начинают обеспечиваться еще хуже, чем в годы Гражданской войны. Так был запущен механизм, способствующий злоупотреблениям. Крайне низкая заработная плата препятствовала набору в детские дома квалифицированных кадров.

По Ярославской губернии, например, на 1 октября 1925 г. специальное педагогическое образование имели лишь 28,2 % работников. Большинство – 55 % – имело общее среднее образование; 16,8 % – общее низшее [4, с. 189]. Подобная ситуация наблюдалась и в Иваново-Вознесенской губернии, где в конце 1924 г. свыше 25 % педагогического персонала имело образование ниже среднего [5, с. 214]. В целом по РСФСР эти данные были почти такими же: лишь около 3 % воспитателей детских домов имели высшее образование и примерно 24 % – низшее [6, с. 188].

В Ярославле, Иваново-Вознесенске, Костроме и других городах действовали педагогические институты, но их выпускники редко шли трудиться в детские дома. Работа там была сложной, а зарплата – ниже, чем у школьных учителей, да и она часто не выдавалась по несколько месяцев. «Персонал исполняет работу свою подвижнически, не получая регулярно оплаты за свой труд, не будучи уверенным в том, когда и сколько будет уплачено», – говорилось в отчете Рыбинского губернского экономического совещания в 1922 г. [7, с. 279]. Вполне понятно, что в таких условиях наблюдалось падение интереса к работе со стороны педагогического персонала. «В настоящее время служащими почти вся энергия затрачивается на добывание пропитания (поездки за картофелем, мена на базаре), – отмечала заведующая Ярославской колонией для детей-правонарушителей А. А. Балтрушевич. – Борьба с этими явлениями бессмысленно, так как нельзя винить человека, что он есть хочет» [8, л. 23].

Многие опытные работники не выдерживали такого тяжелого материального положения и переходили туда, где ситуация была более благоприятной. Неслучайно, согласно статистике, на 1 октября 1925 г. в Яросла-

ской губернии почти половина сотрудников детских домов (42,6 %) имела педагогический стаж работы лишь от 1 года до 3 лет [4, с. 189].

Указанные факторы способствовали тому, что на работу в детские дома нередко попадали случайные люди, не заинтересованные ни в налаживании жизни в этих учреждениях, ни в воспитании детей. Прогулы, о которых говорила в своем отчете А. А. Балтрушевич, были лишь вершиной айсберга в числе правонарушений. Но и сама слабая дисциплина, наблюдавшаяся среди сотрудников детских учреждений, не являлась безобидным фактором, как может показаться на первый взгляд, особенно когда дело касалось воспитанников дошкольного возраста. Она могла приводить к травмированию и даже гибели детей. Например, в момент обследования приюта для детей от года до трех лет в городе Тутаеве Ярославской губернии в июне 1920 г. воспитанники находились вообще без какого-либо присмотра. Когда проверяющие зашли в приют, они застали большинство детей на балконе, перевесившимися через перила. Из всех работников учреждения в приюте находилась только кухарка, которая пояснила, что «все ушли: кто в город, кто за хлебом» [9, л. 35]. Медицинский контроль осуществлялся так же халатно. В учреждении находились дети, болевшие туберкулезом, врожденным сифилисом, которые не были изолированы от здоровых детей. По итогам проведенной проверки принимается резолюция о срочной замене кадрового состава. Однако на очередном совещании Тутаевского отдела здравоохранения констатировалось, что «усиленные поиски ухаживающего персонала до сих пор остаются безуспешными» [9, л. 36].

Снабжение детских домов в годы Гражданской войны и первые годы нэпа было крайне неудовлетворительным. Но и эти скудные поступления нередко доходили до детей далеко не в полном объеме. Сотрудники детских домов решали за счет воспитанников личные проблемы. В условиях голода некоторые люди шли работать в эти учреждения, чтобы улучшить содержание собственных семей. Отчеты по обследованию детских домов содержат немало примеров подобных злоупотреблений. Дошкольный детский дом № 1 (21 ребенок), Иваново-Вознесенская губерния, 1919 г.: «... Дети анемичны, болезненны, заморены <...> служащие благоденствуют и жаль малюток, на жизнях которых паразитирует многочисленный штат приюта» [10, л. 30]. Детский дом в селе Воробьево (178 человек), Иваново-Вознесенская губерния, 1919 г.: «... Со стороны воспитательского и руководящего персонала замечается масса злоупотреблений». В отчете отмечалось, что полное техническое обслуживание детского дома лежало на плечах детей. Дети вставали в 8 часов, когда воспитатели еще «почивали» и начинали уборку помещений, приготовление еды для себя и воспитателей. Причем, для последних пища готовилась отдельно, «для детей кладется 8 фунтов мяса на 178 человек, а воспитателям на 18 человек – тоже 8 фунтов» [11, л. 5]. И такой перечень можно продолжать далее.

Комментируя представленные в отчете факты, Е. И. Сухова, инструктор подотдела охраны детства в Иваново-Вознесенской губернии, писала: «Где же наши лозунги: «Все для детей» – когда для детей не только не дается все, но и берется последнее, когда детские дома снова становятся морилками, как это было в дореволюционное время» [11, л. 5].

Случаи злоупотреблений, хищений наблюдались не только непосредственно в детских домах, но и в вышестоящих органах, призванных их снабжать. Показательны, например, результаты обследования Рыбинского губоно, произведенного местной РКИ в 1923 г. Обнаружена была, с одной стороны, значительная недостача продуктов, а с другой – незаконное хранение большого количества детской одежды, обуви, тканей, посуды, хозяйственного инвентаря и т. д. – всего 447 наименований [12, л. 41–45].

Кроме официальных документов, о моральном облике работников детских домов свидетельствуют письма самих детей, которые они направляли в разные инстанции в надежде на помощь. «Беспорядков у нас много, – говорилось в письме воспитанников детской колонии «Княжево» Иваново-Вознесенской губернии, направленном в уездный комитет РЛКСМ 20 апреля 1922г., – на наших глазах устраиваются частые пьянки. Бесконтрольно расходуются продукты детского питания. За чистотой не смотрят, все дети грязные, оборванные. Если будешь говорить, что против, стращают высылкой в дефективный дом и выброской на улицу» [13, л. 136].

Обычным явлением становилось и применение таких «мер воздействия» в отношении детей, как карцер или физические наказания.

Однако наказания заслуживали и сами воспитатели, совершавшие узаконные проступки. В случае обнаруженных хищений материалы обследований детских домов передавались в правоохранительные органы. Но за нарушение трудовой дисциплины и аморальное поведение сотрудников в лучшем случае увольняли или выносили им выговор. К сожалению, даже самый непригодный к делу персонал часто просто нечем было заменить.

Кроме слабой материальной обеспеченности, нежелание многих специалистов-педагогов идти на работу в детский дом объяснялось также специфическим контингентом воспитанников. В детских домах преобладали беспризорные дети, которые в уличной борьбе за существование уже успели приобрести преступные навыки. Характеристики детей, сохранившиеся в архивах, показывают, что и моральный облик многих детей был далек от идеала: «Шибаров Владимир. Рецидивист, специальность «карманы». Мамзурин А. В. – занимается спекуляцией; Головлев Н. В. – замечен в краже мелких вещей; Николаев М. В. – груб, нечист на руку, откроет без ключа любой замок; Филипов А. – открытый хулиган; Тимофеев А. – груб и нахален» [8, л. 54, 207]. Перечисленные навыки, полученные детьми на улице, применялись и в детском доме. Дети воровали вещи из детского дома, продавали их на рынке и таким образом решали проблему пропитания.

Безусловно, детская преступность существовала и до революции 1917 г., но в связи с ростом беспризорности в постреволюционный период обостряется и это явление. Новая власть заявила о ликвидации дореволюционной системы наказаний несовершеннолетних преступников. 14 января 1918 г. был принят декрет СНК, который изменил возраст подсудности детей. Если ранее, по старому уголовному законодательству, он составлял 10 лет, то теперь – 17 [14], а по декрету от 4 марта 1920 г. – 18 лет [15]. Все сведения о правонарушениях детей и подростков направлялись теперь не в суды, а в Комиссии по делам несовершеннолетних. Данные органы должны были рассмотреть все обстоятельства совершенных проступков, учесть особенности жизни и поведения ребенка, его семейное положение и в зависимости от этого определить меру воздействия. В официальных документах особо подчеркивалось, что в качестве способов борьбы с детской преступностью должны использоваться не наказания, а прежде всего меры воспитательного характера: ребенка могли передать на поруки родственников, под наблюдение социального инспектора, могли способствовать его трудоустройству или помещению в детский дом – и только в крайних случаях разрешалось передавать дела в судебные органы. Это касалось тех, кто совершил наиболее тяжкие правонарушения, и несовершеннолетних рецидивистов [16].

В первый постреволюционный период вводится и новое определение для детей-правонарушителей. Если раньше их называли «малолетние преступники», то теперь – «морально-дефективные» дети. Появление нового термина было связано со следующим обоснованием специалистов. Считалось, что, даже попав в тяжелые социальные условия, не все дети идут на преступления, а значит, причины их деяний лежат в аномалиях характера, в деформации моральных основ личности [17].

Предполагалось, что учреждения для таких детей будут в корне отличаться от дореволюционных воспитательно-исправительных заведений, выполнявших скорее функцию «школ преступности». В «Общих руководящих указаниях» по устройству детских домов для «морально-дефективных» детей говорилось, что в них должны быть организованы ремесленные мастерские, школа, библиотека, психологическая лаборатория, кружки по интересам и т. п. Особо подчеркивалось, что сотрудники данных учреждений должны четко понимать – это детский дом, а не тюрьма, детей надо воспитывать, а не наказывать. «Нет замков, решеток, нет карцеров, нет оскорбительного унижающего отношения к воспитанникам, но не должны иметь место и халатность, попустительство...» [8, л. 139].

Однако реальное положение дел существенно отличалось от теоретических программ и руководящих указаний. Детские дома такого типа становились не «рассадником социального воспитания», а рассадником преступности внутри городов. В местные государственные органы поступало немало жалоб, связанных с поведением детей, находившихся в этих учреждениях. Прежде всего страдали местные жители. Опасное соседство оборачивалось для них

серьезными проблемами. В своих жалобах они указывали, что страдают от «налетов колонистов», совершения краж, открытого грабежа, избиений, оскорблений [18, л. 88]. Причем ущерб терпели не только отдельные люди, но и организации, предприятия. Например, в заявлении фабрично-заводского комитета меднолитейного завода Жохова от 12 мая 1919 г. сообщалось, что «малолетние преступники занимаются расхищением заводского имущества и разрушают принадлежащие заводу сооружения» [18, л. 78].

Подобная ситуация имела место и в Ярославле, где детский дом для «морально-дефективных» в результате обследования, проведенного в 1919 г., был признан совершенно не выполняющим своего назначения «ни в смысле перевоспитания детей, ни в смысле изоляции их от искушений окружающей среды и пресечения их аморальной деятельности». Кроме того, подчеркивалось, что, «в силу наблюдающихся в приюте условий, не исключена возможность дальнейшей деморализации детей, особенно менее порочных или попавших в приют вследствие беспризорности» [8, л. 146]. Названные негативные явления в функционировании детских домов не являлись в данном случае региональной особенностью, они наблюдались повсеместно.

В 1921 г. в Москве состоялась Первая Всероссийская конференция работников детских домов для «морально-дефективных» детей. На ней специалисты утверждали, что необходима дальнейшая изоляция детских учреждений такого типа от внешнего мира – перевод их за пределы городов, а также ужесточение режима содержания воспитанников. Был принят, в частности, целый ряд мер воздействия, начиная от выговора, внушения, «отдаления приема пищи», постельного режима до карцера или изолятора [6, с. 24].

В дальнейшем, чтобы как-то «наладить» жизнь в таких учреждениях, их пытались превращать в подобие тюрем. В Рыбинске, например, при организации детского дома-изолятора для несовершеннолетних правонарушителей в 1923 г. в качестве обязательного условия губернский отдел социального воспитания требовал предоставления «удобного помещения с решетками и вооруженной охраной» [19, л. 9].

В середине 1920-х гг. взгляд специалистов на причины детской преступности и меры по ее пресечению меняется. В 1924 г. состоялся Второй Всероссийский съезд СПОН (социально-правовой охраны несовершеннолетних), на котором теория о моральной дефективности детей-правонарушителей была отвергнута и названа ненаучной и ложной. Педагоги, психологи, присутствовавшие на съезде, подчеркивали, что «дефективным» ребенка делает неблагоприятная среда. Тяжелые социально-экономические условия вынуждают детей совершать правонарушения: это способ выживания и дети в данном случае, как отмечал в своем докладе Е. С. Лившиц – это «жертвы обстоятельств: бедности жизни, неразвитости системы социальной защиты» [6, с. 22].

Крайне негативно оценивались и специализированные учреждения для несовершеннолетних правонарушителей. Результаты перевоспитания были совсем минимальными. Более распространенной была практика

совершенствования детей в преступных навыках. «Ребята ненавидели эти учреждения с решетками и запорами, ненавидели их режим, педагогов, тратили всю свою энергию, чтобы нарушить порядок этих учреждений, отравить существование педагогам. При первом возможном случае бежали, унося с собой казенные вещи» [6, с. 24]. Е. С. Лившиц подчеркнул, что процент побегов в дореволюционных приютах для малолетних преступников составлял примерно 25 %, а в большинстве советских учреждений подобного типа достигал 45 % [6, с. 25].

Для изменения ситуации к лучшему нужно было кардинально перестроить организацию жизни в детских домах. А. Б. Залкинд утверждал, что приобретенные в беспризорной жизни отрицательные черты: агрессивность, лживость, авантюризм – вполне реально направить в нужное русло, так как они имеют положительную оборотную сторону. У таких ребят развит житейский реализм, активность, смелость, чувство товарищеской солидарности – «все это представляет собой ценнейший эмоциональный фонд, откуда надо лишь научиться черпать» [6, с. 81]. Предлагалось создать условия для организации самоуправления детей, усилить трудовое воспитание, использовать индивидуальный подход к каждому воспитаннику. А затем перестроенные на этих основах бывшие учреждения для «морально-дефективных» детей включить в общую сеть детских домов.

Решения, принятые на съезде специалистов, были одобрены на государственном уровне. Однако для правонарушителей с 14 лет, не поддающихся медико-педагогическому воздействию или приговоренных к лишению свободы, предусматривалось помещение их в трудовые дома и колонии, создававшиеся в ведении Наркомата внутренних дел. Причем сроки пребывания в них не были четко установлены. Подростки должны были находиться в них «вплоть до исправления». Был определен лишь максимально допустимый возраст воспитанников – 20 лет [20].

В реальности во второй половине 1920-х гг. изменения затронули, главным образом, детские дома для нормальных детей. В них действительно стали вводиться элементы самоуправления, создаваться ячейки пионерских и комсомольских организаций, организовываться мастерские. Что касается учреждений для несовершеннолетних правонарушителей, то большинство из них просто поменяло свои названия. Они стали называться учреждениями для «трудновоспитуемых» детей, но уклад жизни оставался прежним: решетки, карцер, побег. При обследовании такого детского дома в Шуйском уезде Иваново-Вознесенской губернии в 1927 г. отмечалось, что «с организацией его губоно ничего утешительного не получил». В детском доме находилось около 50 подростков-правонарушителей «из среды наиболее трудно-исправимых рецидивистов. Со стороны воспитанников наблюдались систематические побег и нанесение воспитателям оскорблений. Были случаи избияния воспитателей, а также посещавших детский дом представителей милиции и юстиции» [21, л. 3].

В Ярославской губернии одно из учреждений принудительного воспитания действительно было реорганизовано. Детский дом для «морально-дефективных» детей, располагавшийся на Толге (в бывшем Толгском монастыре), стал гордо именоваться детским домом имени КИМ (Коммунистического Интернационала молодежи), а его руководителем в 1926 г. был назначен М. Д. Громов. В своих воспоминаниях он отмечал: «Страшно было братья. Около 200 человек взрослых детей, могущих по-настоящему трудиться, ничего не делали...» [22, с. 45]. Он перечисляет немало «подвигов» своих подопечных и даже покушение на убийство: «Была еще попытка утопить меня в Волге. Вечером я возвращался из г. Ярославля, и 2 воспитанника оказались у причала на правом берегу, с ними я и поехал. На середине Волги – замах веслом, но в этот раз браунинг был в руке, что и почему – длинная история, не опишешь. Примеры эти к тому, что даже при человеческом отношении, которое я начал вводить для наведения порядка, проявлялись вот такие эксцессы» [22, с. 46].

М. Д. Громову удалось переломить ситуацию. В детдоме появились мастерские (слесарная, столярная, сапожная, швейная), сельхозшкола, постепенно изменился и сам уклад жизни. Любопытно, что в этих преобразованиях значительную роль сыграла Н. К. Крупская, к которой руководитель обратился за помощью. В результате совместных усилий или, как пишет М. Д. Громов, «с материнской помощью» Н. К. Крупской детдом «из убогого, напоминавшего лагерь преступников, стал детским домом имени КИМ, родным домом для его воспитанников» [22, с. 47–48].

Однако подобное счастливое преображение было редкостью. Менее заметной была судьба второго ярославского детского дома для «морально-дефективных». Как отмечалось в отчете губисполкома, в его работе ощущалась полная бесполезность, и в январе 1928 г. Ярославский губоно принял решение о выводе этого детского дома за пределы Ярославля – в город Мышкин – в здание бывшей Мышкинской тюрьмы [23, л. 1]. Такой вариант «реорганизации» был, к сожалению, более распространенным.

Что касается создаваемых труддомов, то режим содержания в них был еще более жестким. Находясь в ведении НКВД, они еще в большей степени походили на тюрьмы, чем на детские дома. Таким образом, попытка реформирования учреждений для несовершеннолетних правонарушителей оказалась неудачной и проблема по-прежнему была открытой.

В целом следует отметить, что детский дом в изучаемый период можно характеризовать двояко. С одной стороны, этот вид учреждений был необходимым в условиях роста детской беспризорности и преступности. Он, безусловно, играл определенную положительную роль в борьбе с этими социальными аномалиями. Но переоценивать условия жизни, созданные в детских домах, тоже не стоит, они нередко не спасали, а ломали детские судьбы. И это не только голод и холод, а также непригодные к делу педагогические кадры, отсутствие полноценной системы воспитания. И если в детских домах

для нормальных детей к концу 1920-х годов, вместе с оздоровлением общей ситуации в стране, наблюдалось улучшение обстановки, то перевоспитание детей-правонарушителей продолжало оставаться большим вопросом, не нашедшим своего разрешения в указанный период.

Ссылки

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-5207. Оп.1. Д. 252.
2. Маро (Левитина М. И.) Беспризорные. Социология. Быт. Практика работы. М.: Новая Москва, 1925. 454 с.
3. Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР (СУ). 1921. № 62, ст. 446; № 69, ст. 550; № 80, ст. 691.
4. Отчет Ярославского губернского исполкома за 1924/1925 г. Ярославль: Изд-во губисполкома, 1926. 311 с.
5. Работа Иваново-Вознесенского губисполкома и его органов за 1923/1924г. Иваново-Вознесенск: Изд-во губисполкома, 1925. 355 с.
6. Детская беспризорность и детский дом. М.: Изд-во отдела социально-правовой охраны несовершеннолетних, 1926. 239 с.
7. Отчет Рыбинского губернского экономического совещания Совета труда и обороны на 1 апреля 1922 г. Рыбинск: Государственная Центральная типография полиграфтреста, 1922. 318 с.
8. Государственный архив Ярославской области (ГАЯО). Ф. Р-178. Оп. 1. Д. 594.
9. ГАЯО. Ф. Р-131. Оп. 1. Д. 123.
10. Государственный архив Ивановской области (ГАИО). Ф. Р-1319. Оп. 1. Д. 22.
11. ГАИО. Ф. Р-1319. Оп. 1. Д. 77.
12. Рыбинский филиал Государственного архива Ярославской области (РФ ГАЯО). Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 450.
13. ГАИО. Ф. Р-1319. Оп. 1. Д. 564.
14. СУ. 1918. № 16, ст. 227.
15. СУ. 1920. № 13, ст. 83.
16. СУ. 1920. № 68, ст. 308.
17. Рябинина Н. В. По делам «морально-дефективных». Детская беспризорность и преступность в Верхнем Поволжье в 1920-е годы // Родина. 2011. № 11. С. 99–101.
18. ГАИО. Ф. Р-1319. Оп. 1. Д. 80.
19. РФ ГАЯО. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 453.
20. СУ. 1924. № 86, ст. 870.
21. ГАИО. Ф. Р-1319. Оп. 1. Д. 1452.
22. «Вглядись в минувшее бесстрашно...». Культурная жизнь Ярославского края 20–30-х гг.: Документы и материалы / под ред. А. М. Селиванова. Ярославль: ЯрГУ, 1995. 392 с.
23. ГАЯО. Ф. Р-178. Оп. 4. Д. 46.